

Таким образом, отношения между словами «тоска», «скука» и «мука» в идиостиле Анненского можно определить как родовидовые. Предлагаем следующие их толкования:

«скука» — состояние всех людей в этой жизни, способ и суть их существования;

«мука» — состояние поэтической, художественной природы, отчетливо осознающей разлад между материальным и идеальным, между Я и Не-Я, однако, неспособной этот разлад преодолеть;

«тоска» — высшее духовное состояние человека, вспоминающего о своем былом единстве с Абсолютом и страдающего от невозможности воссоединения с ним.

Гиперонимом по отношению к этим словам является платоновское «*prothoi*», невербализованное, но имплицитно присутствующее в идиостиле поэта понятие.

Второй из рассматриваемых нами основных мотивов лирики Анненского — мотив круга — также восходит к диалогу Платона «Федр». Более того, по мнению А. Ф. Лосева, «Федр» «имеет своим заданием обнаружить вечный круговорот идей и вещей, в котором активны и вещи, и их идеальные прообразы» [19, с. 531].

Поэтика Анненского, основанная на принципе «символической конкретности» (Л. Я. Гинзбург), нивелирующем различия между «миром идей» и «миром вещей», во многом базируется на идее круга, что наиболее явно воплощается в мгновенном уподоблении явлений материальной и духовной жизни, создает тот самый круговорот идей и вещей, о котором применительно к диалогу «Федр» говорил А. Лосев. Приведем ряд примеров.

«Когда Анненский пишет «Жёлтый пес у разоренной дачи / Бил хвостом по ельнику и лаял» («Баллада»), то, конечно, этот пес со своей его бытовой конкретностью — символический и очень многозначный образ», — отмечает Е. В. Ермилова [20, с. 120].

Построенное по принципу «большого кольца» (В. М. Жирмунский) стихотворение «Старая шарманка» всей своей образной структурой, в том числе и композиционно, нивелирует противопоставление между неодушевленным миром природы (1—3 катрены) и одухотворенным миром поэта (4—6 катрены); в то же время сам поэт уподобляется шарманке, «музыкальной шкатулке», и в стихотворении подробно перечисляются детали механизма инструмента: вал, шипы, колеса и т. д., т. е. вновь, уже на другом уровне, «вещный» и «идеальный» миры становятся неразличимы. В этом стихотворении идея круга как бы проведена трижды: круг как деталь механизма шарманки (музыкального инструмента, извлекающего одну и ту же мелодию за счет поворота круга с определенными насечками; кроме того, в коннотации слова «шарманка» присутствует сема неизбежного, вечного повторения); круг как символ смены времен года; круг как символ человеческой жизни. При этом «вещь иносказательно замещает человека и потому наделяется человеческими свойствами» [21, с. 350].

В стихотворении «Стальная цикада» рассмотренное сопряжение миров приобретает более сложный вид: в одной плоскости располагаются три «предмета»: часы, отданные в починку, организм человека, который обречен на смерть (остановку в случае «поломки», ср. сонет «Человек»⁵), и сам поэт, «обреченный» на творчество, как часы — на то, чтобы показывать время, а человек — на то, чтобы жить. Ключевой символ — «цикада» — может быть отнесен к каждой из названных тем, что делает принципиально невозможным размежевание вещного и идеального мира в тексте. В данном случае «предмет не сопровождает человека и не замещает его

⁵ «Я завожусь на тридцать лет, / Чтобы жить, мучительно дробя / Лучи от призрачных планет / На „да“ и „нет“, на „ах“ и „бя“»; ср. также однозначное, почти аллегорическое противопоставление двух миров в стихотворении «Лирика часов».